

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 170–178
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 170–178
© Автор(ы) 2017

ТЕКСТ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНО-ОБРЯДОВОМ ЦИКЛЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

С.А. Моисеева

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
folklab@magtu.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования свадебной обрядности русских поселений Белорецкого района Башкортостана. Работа основана на экспедиционном материале, записанном в 1938 г., 1965–1969 гг., 1993–2007 гг. в селах, образованных как крестьянские поселения при металлургических заводах в середине XVIII и начале XIX вв.: Ломовка, Тирлян, Инзер, Зигаза, Тукан, Верхний Авзян, Нижний Авзян, Кага, Узьян.

Свадьба – это особый фрагмент традиционной культуры, в ней сосредоточены опорные смыслы локальной мифологической картины мира, которая организует в целом так называемый региональный культурный текст. Предложенная работа – попытка трансляции базовых смыслов регионального традиционного текста в общерусский культурный контекст. Автор позиционирует свадебный обряд как фрагмент культурного текста региона, состоящего из семантически связанных персональных текстов. Знаковым персонажем свадебно–обрядового цикла является невеста. Поэтому в центре внимания автора – текст невесты.

Под текстом того или иного персонажа нами понимается вся совокупность обрядовых действий, совершаемых конкретным участником церемонии, на вербальном, акциональном и предметном уровнях. В контексте свадебно–обрядового цикла девушка считается невестой до момента венчания/регистрации брака, окончательный переход из одной в другую социовозрастную группу закрепляется ритуалами брачной ночи.

Моисеева Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

Анализ локальной свадебной традиции позволил выявить, что доминантными для текста невесты в обозначенный обрядовый период являются, по классификации Арнольда ван Геннепа, ритуалы «отделения»: невеста прощалась с незамужними подружками, с беззаботной девичьей жизнью (волей и красотой), с родителями и отчим домом. В этот период девушка переживала ослабление и разрыв прежних связей, на мифологическом уровне – ритуально-символическую смерть. Автор акцентирует внимание на текстообразующие локальный вариант ритуалы, репрезентирующие пороговое/лиминальное состояние девушки – невесты: «отвывание родительских дверей», «отвывание зóри», «прощание с красóтой», «продажа/выкуп невесты», «покрывания/ускрывания невесты», «проверка невестки».

Ключевые слова: свадебный обряд, текст невесты, ритуалы отделения, лиминальный период, знаки перехода

Введение

Горнозаводское население на территории Башкортостана появляется в середине XVIII в. в связи со строительством на этих землях железодельных, чугунолитейных и медеплавильных предприятий. Для строительства и работы заводов привлекались крестьяне из центральных областей России, Поволжья, Пермской губернии. Так были образованы русские поселения на территории современного Белорецкого района: Ломовка, Кага, Узьян, Верхний Авзян, Нижний Авзян, Тирлян, Зигаза, Тукан, Инзер, – свадебная обрядность которых стала объектом предложенного исследования.

Свадебный обряд мы определяем как комплекс семантически связанных персональных многокодовых текстов. Под текстом того или иного персонажа нами понимается вся совокупность обрядовых действий, совершаемых конкретным участником церемонии, на вербальном, акциональном и предметном уровнях. Знаковым персонажем свадебно-обрядового цикла является невеста, поэтому в центре внимания автора – текст невесты.

Обозначим границы свадебно-обрядового цикла, в рамках которых мы будем анализировать так называемый текст невесты. Начальной точкой мы будем считать день сватовства, конечной (для невесты) – день венчания/регистрации брака, поскольку после ритуалов брачной ночи невеста переходит в другую социовозрастную группу – молодых женщин: она становится молодой/молодушкой.

Со дня сватовства девушка-невеста ограничивается в пространственных перемещениях. По рассказам информантов, невеста «засиживается» дома, не ходит с подружками на вечерки, не играет в игры. Главным занятием в этот период для нее является процесс приготовления приданого. «К невесте подружки приходят, нацинають тряпошки шевелить, придану готовить: ще не хватаить, шторы тама, полотенца, подзоры»¹.

---

¹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Логиновой А.В., 1929 гр., Кага. Здесь и далее в цитатах орфография и название ритуальных актов даны в соответствии с местным произношением.

Существовал запрет для невесты покидать границы своего двора «Невеста сама уж и никуда не ходить. Если за ворота шмыгнуть – платок прямо на глаза нахлобучить. Это чтоб не видать ее было»².

В родительском доме невесту начинают отлучать от хозяйственных дел «Невестой как станеть девка: тут уж ниче дома и не делаеть – ни за водой не ходить, ни стирать, ни варить»³.

Со дня сватовства до свадьбы могло пройти много времени: от двух недель до двух месяцев. Но практически в течение всего этого периода невеста не покидала границы своего дома. Таким образом, значимым локусом текста невесты становится внутреннее пространство родительского дома. Акциональная составляющая текста невесты характеризуется несамостоятельностью передвижений: невесту ведут под руки в баню и из бани, она сидит и воет, она отлучена от хозяйственных дел. Таким образом, мы наблюдаем некое затворничество, томление девушки – сговоренки, что связано с ослаблением прежних родственных и дружеских связей. На мифологическом уровне такое поведение героя сопоставимо с его ритуально – символической смертью⁴.

Особым фрагментом регионального текста невесты является ритуал «отвывания зóри». По воспоминаниям информантов, просватанная девушка каждое утро «на заре» и каждый вечер при заходе солнца должна была исполнять причеты, в которых она обращалась к «зореньке ясной» с просьбой о благословении ее «несчастной» в «чужие люди идти»⁵. Первоначально ритуал исполнялся на улице в пределах родительского двора. «Невеста шла на зады, смотрела на зóрю и выла»⁶. К середине XX столетия невеста, «отывая зóрю», не покидала границы отчего дома. «Невесту закрывали в дальнюю избу выть...»⁷. Таким образом, локативный код ритуала характеризуется признаками «дальний», «задний», семантика которых связана со значением отдаления от границ освоенного пространства.

Семантика отдаления невесты от родителей и подружек актуализируется на вербальном уровне непосредственно в тексте причета: «батюшкина горенка» для нее теперь новая, а значит чужая, ей неизвестная, «родна маменька» спит, не делит с ней ее «несчастную долю», «подруженьки» не рядом – их нужно «покричать»⁸.

Дальнейшее отчуждение невесты от группы подружек и незамужних родственниц манифестируется в тексте-причете, обращенном младшей сестре или «задушевной» подружке.

«Не прогневайся, что не вышла я,
Не встретила тебе
От двора-то широкого,

² Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2012, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

³ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Калугиной Е.С., 1935 г.р., Верхний Авзян.

⁴ Левинтон 1991, 221.

⁵ Рожкова, Моисеева 2000, 45.

⁶ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Калиничевой Т.Е., 1928г.р., Кага.

⁷ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Платоновой А.И., 1927г.р., Нижний Авзян.

⁸ Рожкова, Моисеева 2000, 45.

От крыльца-то высокого.
 Но я-то открасовалася
 У своей-то красы девичьей,
 У своей-то алой ленточки,
 Да бывало мы с тобой там, Катенька,
 Да выйдем в широкую улочку,
 Да запоем мы веселые песенки,
 А теперь я уже отпелася⁹».

В Нижнем Авзяне экспедицией 1997 г. зафиксирована традиция вытья невестой после бани перед закрытыми дверьми родительского дома. «В последний день перед свадьбой невеста в бане моется. Потом ее ведут из бани. Она подойдет к двери, а дверь не открывают. Она сидит на пороге и плачет. Так надо»¹⁰. Повсеместно распространенный текст «Ни утица полоскалася» в региональной традиции входит в ритуал оплакивания родительских дверей на основе их тематической и смысловой близости. В семантике ритуала усматривается значение отделения девушки-невесты от отчего дома, родителей и в целом от рода-семьи.

«Открой, родна матушка, эти дубовые двери,
 Прозябила я свои белые ножиньки,
 Приморозила я свои белые руциньки
 К золотым скобам»¹¹.

Вербальный код текста невесты представлен в причетах, сопровождавших ритуалы «расплетания косы» и «прощание с красотой». В текстах-причетах невеста просила сестру, мать, подругу снять «девью красоту». «Это еще я была маленькая, надо меньшей сестре подарить ленточку, когда замуж выходишь. Вот мне сестра дарила и причитывала: “Вот я тебе дарю, сестричка, русу косыньку, счастье девичье”»¹².

Почти во всех зафиксированных нами плачах проходит мотив отдачи «красоты» – красной ленты.

«Хресна или мать косу невесте расплетает, а та уливается слезами и причитывает:

Расплети-ка, родимая мамынька,
 Мою русую косыньку.
 Подыму я свою девью красоту
 Выше плеч, до буйной головушки,
 Я отдам свою девью красоту
 Своей милой подруженьке»¹³.

Заметим, что в региональных текстах-плачах, зафиксированных нами в конце XX в. как «воспоминание о традиции», кроме мотивов «расплетания косы»

⁹ Магнитогорский государственный архив. Ф. 463. Оп. 1. Д. 65. Л. 15, зап. от Тюнеговой Д.А., 1885 г.р., Узян.

¹⁰ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1997, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

¹¹ Магнитогорский государственный архив. Ф.463. Оп.1. Д.65. Л.48, зап. от Точилкиной А.Г., 1877 г.р., Узян.

¹² Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1999, зап. от Волковой Е.Г., 1906 г.р., Тирлян.

¹³ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1995, зап. от Бешкорева А.Г., 1919 г.р., Узян.

и «отдачи красоты», обозначен и мотив «смены прически». «Как приехать жениху, хрестна с подружками расплетали невесте косу. А невеста должна причитывать:

Расплети русу косу
В первый раз и в последний.
Расплети алые ленточки,
Собери “бараньи” на “шишку”
В последний раз»¹⁴.

Ритуал смены прически невесты в традиции региона совершался утром венчального дня. «Утром до венца хрестна невесты просит: “Вы, дорогие родители, разрешите молодой княгине русу косу расплести”. Косу невесте расплетают и делают шишку. Невеста навзрыд плащет»¹⁵. Поэтому не случайно к середине XX в., когда досвадебные ритуалы в культуре региона стали редуцироваться и переходить в разряд пассивных тем свадебной традиции, акты «расплетание косы», «передача красоты», «смена прически и голоного убора» стали совершаться утром венчального дня и представляли уже собой единый контаминированный ритуальный цикл. Традиция же причитывать в исследуемых селах актуальна была до 40-х годов XX в., причем в причетных текстах сохранялась традиционная тема «чужой стороны». Обращаясь к матери, подружке, невеста просит рассказать, как она будет жить в чужой стороне:

«Помоги-ка, подруженька, перенести мою тяжесть:
У чужих-то людей, у чужой свекровушки.
Как чужая семья ненавидит меня...»¹⁶.
«Благослови-ка меня,
Родна маменька, роднай папенька.
Во чужи люди пойду...»¹⁷.

Смена прически и головного убора – символические знаки мифологического и социовозрастного перехода невесты в группу молодых/молодушек. Прическа и головной убор актуализируют предметный код текста невесты. Момент переходности, лиминальности невесты подчеркнут особой, не характерной ни для девушки, ни для молодки прической – распущенные волосы (признак женских персонажей нечистой силы – русалок, ведьм и т.д.)¹⁸. Основой головного убора невесты-сговоренки является платок, который завязывали под подбородком. Такой способ завязывания и ношения платка был характерен для старух (социовозрастной статус женщин, готовых к уходу на «тот свет»).

Таким образом, прическа и головной убор невесты, с одной стороны, сближают ее с существами опасными, с другой – характеризуют ее лиминальное состояние (близость к смерти).

Смертное состояние невесты репрезентируется также в ритуале продажи/выкупа невесты, которую усаживали за стол в «красный» угол.

¹⁴ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1997, зап. от Беловой Н.Ф., 1917 г.р., Нижний Авзян.

¹⁵ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

¹⁶ Рожкова, Моисеева 2000, 38.

¹⁷ Рожкова, Моисеева 2000, 43.

¹⁸ Славянская мифология. Энциклопедический словарь 2002, 89.

Жених мог приблизиться к невесте посредством «выкупа» сакральных предметов, символизирующих ее: девочка продавала косу, мальчик место рядом с невестой или ее лапти, а девушки-подружки продавали невесту в целом как таковую. Так происходила метонимическая замена невесты предметами-знаками, репрезентирующими «распад/расчленение/умерщвление» главного героя церемонии: выкупали по частям (косу, место/лапти, а потом невесту) «не цельное» существо, но в конечном итоге покупают некое «целое», но пока еще «неведомое», а значит «чужое», «опасное», связанное с миром «смерти». Знаком состояния невесты как «части от целого» может служить, вероятно, используемый в региональной традиции в качестве откупа для группы подружек «украшенный ленточками мосол». «Сначала подавали мосол, ленточку какую-нибудь за него привяжут. Сами девушки просили: “Мосол нам надо, мосол!” И глядят: везут они мосол или нет, а те знают, что мосол запросят. Ленточку привяжут, а сам мосол – здоровенный такой (сваришь суп – останется). Бросают его на стол, а девки кричат: “Мало!” Они тогда семечек еще бросят: “Мало! Деньги давай!”»¹⁹. Семантика мосла может быть сопоставима с семантикой «кости/скелета» как символа «смертного состояния». По рассказам информаторов, являющиеся после смерти «умершие родственники» со спины выглядели как «шкелет». «Тетя Саня говорит: “Миша, это не ты, это бес!” Он с боку стоит, а я гляжу у него на зади шкилет... Минька ко мне лезит под одеялку, меня, говорит, гладит, а я руку-то положу, а у меня рука-то вот эдак обрвалась, там ниче нету, ребры, шкилет»²⁰.

Наиболее значим акт продажи косы, символизирующий передачу невесты жениху. «Перед венцом невесте косу расплетают <...> а дружка говорит: “Отец и мать, разрешите русу косу продать”»²¹. Продажа косы, возможно, семантически связана с актом «отрезания волос», является своего рода трансформированной заменой «отрезания/отделения косы/волос от самой девушки». Арнольд ван Геннеп «отрезание волос» трактует как «отрезание от прежнего мира», овладеть же «волосами/косой» означает «связать себя с сакральным миром вообще, а более конкретно с божеством или демоном, которого превращают таким образом в своего родственника»²². А.К. Байбурин расценивает «обрезание волос» – как «очередную операцию по созданию нового человека»²³.

Текст невесты представлен в ритуале «покрывания/ускрывания» новобрачной в доме жениха.

«Я Танькю вот отдавала в 86 году замуж, мы все по обряду делали ешо; ее и свекровка укрывала. Вот когда привезли ее к мужику-то у дом, посадили за стол их; тут свекровка невесту и ускрываить: кладеть ей на голову или на кофту, или на платье отрезик там какой-нибудь...»²⁴. «Невесту свекровка покрывает. Ей голову ускрывают отрезом ткани. Которы хорошо ускроют: покрывало, одеяло, ситец, полушалок, отрез метров по пять. Бабы собираются после свадьбы и вот обсужда-

¹⁹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Калугиной Е.С., 1935 г., Верхний Авзян.

²⁰ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1999, зап. от Зиминой В.А., 1930 г., Тирлян.

²¹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1996, зап. от Быкова П.К., 1912 г., Кага.

²² Геннеп 1993, 132.

²³ Байбурин 1993, 60.

²⁴ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г., Кага.

ють. Вот тогда соседка сына женила и говорить: “Я свою невестку сразу на юбку с кофтой отрезом ускрыла. Это значить хорошо ускрыла”»²⁵. О.В. Лысенко отмечал универсальную функцию ткани маркировать переходное пространство и ритуальный центр, соответственно, «невеста как лиминальный объект ритуала при помощи ткани выделяется из обыденного мира, вводится в центр сакрального пространства», при этом «вступает в ритуальную коммуникацию» с «предками» рода – покровителями дома, которые обитали, по представлениям славян, в красном углу²⁶. Собственно в красном углу и происходил акт «накрывания/покрывания – вскрывания/ускрывания» невесты. После того, как свекровь покроев невесту «тут сваха сыметь с ее головы и убереть, а потом невесте отдасть, та ето будеть хранить»²⁷. Таким образом, в представленном акте контаминировались две ритуальные формы, одна из которых – «покрывание/накрывание тканью» – связана с приобщением невесты к «покровителям рода – предкам», вторая же связана с «раскрыванием» новобрачной, семантику которого А.К. Байбурин видит в «возвращении невесте зрения»²⁸.

Дальнейший процесс так называемого «открытия органов» невесты актуализировался в церемонии проверки невестки: «есть ли у нее зубки/горло». «Невесте пирога еще кусочек дают с деньгами, проверить, есть ли у моей невестушки зубы? Она должна этот кусочек откусить»²⁹. «Для невесты пекли булочку, а у булочку натыкают копеек, чтобы зубами вытащила их. Проверяли, у снохи есть зубы или нет»³⁰. «Невесте дают съесть булочку с денежкой, рюмку водки с денежкой, она должна все съесть и выпить, а денежку взять в рот и показать гостям, что у нее есть зубы и горло»³¹. В приведенном цитировании наряду с мотивом проверки невесты обозначен мотив пирога/булочки, специально испеченной для новобрачной. Символика пирога с начинкой А.К. Байбуриным прочитывается как «ребенок в чреве матери»³². Соответственно, акт преподнесения булочки с начинкой и немедленное ее поедание невестой, возможно, связан с эротической семантикой «развязывания сексуальной энергии» новобрачной, направленной на зачатие и рождение потомства. Закрепление союза между невестой и «предками», невестой и свекровью происходило посредством совместного чаепития за столом, расположенным в «красном углу». «Тут, покуда родня собирается, им (невесте, жениху, свекрови) наливают по стакану чаю. Ждут, когда родня собирается. Родня собирается – пойдет гулянка»³³.

²⁵ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2002, зап. от Беляевой О.И., 1913 г.р., Нижний Авзян.

²⁶ Лысенко 1993, 99.

²⁷ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

²⁸ Байбурин 1993, 83.

²⁹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2002, зап. от Беляевой О.И., 1913 г.р., Нижний Авзян.

³⁰ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

³¹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1993, зап. от Калугиной А.Г., 1922 г.р., Ломовка.

³² Байбурин 1993, 84.

³³ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

Заключение

Таким образом, текст невесты акцентирует мотивы пути на «тот свет», обретения девушкой смертного состояния со дня сватовства до момента венчания/регистрации. После венчания/регистрации текст невесты связан с мотивом воскресения, «собираения частей в целое» уже в новом качестве – новобрачной. Невеста окончательно переходит в другую социовозрастную группу женщин – молодок/молодушек – после ритуалов брачной ночи. Поэтому далее текст невесты меняется на текст молодки/молодушки и актуализируется посредством ритуалов второго и третьего свадебных дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин, А.К. 1993: *Ритуал в традиционной культуре*. СПб.
- Ван Геннеп, А. 1993: *Обряды перехода*. М.
- Левинтон, Т.А. 1991: Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог). В кн.: А.К. Байбурин, И.С. Кон (ред.), *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. СПб., 210–234.
- Лысенко, О.В. 1993: Феномен ткачества в архаичной модели мира (опыт описания традиций ткачества восточных славян на уровне концептуальной модели: нить – пояс – полотно. Технологический и семантический аспекты). В сб.: Г.Н. Грачева, О.В. Лысенко (ред.), *Традиционные верования в современной культуре этносов*. СПб, 71–103.
- Рожкова, Т.И., Моисеева, С.А. 2000: *Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета*. Магнитогорск.
- Толстая, С.М. (ред.) 2002: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М.

REFERENCES

- Bayburin, A.K. 1993: *Ritual v tradicionnoy kul'ture [The Ritual in the Traditional Culture]*. Saint-Petersburg.
- Van Gennep, A. 1993: *Obrydy perehoda [The Rites of Transition]*. Moscow.
- Levinton, T.A. 1991: Muzhskoy i zhenskiy tekst v svadebnom obryde (svad'ba kak dialog) [Male and Female Text in the Wedding Ceremony (Wedding as a Dialogue)]. In: A.K. Bajburin, I.S. Kon (red.), *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior]*. Saint-Petersburg, 210–234.
- Lysenko, O.V. 1993: Fenomen tkachestva v arhaichnoy modeli mira (opyt opisaniya traditsiy tkachestva vostochnyh slavyan na urovne konceptual'noy modeli: nit' – poyjas – polotno. Tehnologicheskij i semanticheskij aspekty) [The Phenomenon of Weaving in the Archaic World Model (Experience of the Traditions of Weaving Eastern Slavs Description at the Level of the Conceptual model: the Thread – the Belt – the Canvas. Technological and Semantic Aspects)]. In: G.N. Gracheva, O.V. Lysenko (red.), *Tradicionnye verovaniya v sovremennoy kul'ture etnosov [Traditional Beliefs in the Contemporary Culture of Ethnic]*. Saint-Petersburg, 71–103.
- Rozhkova, T.I., Moiseeva, S.A. 2000: *Russkie svadebnye pesni gornozavodskih sel Bashkirii: sbornik materialov fol'klornykh ekspeditsiy laboratorii narodnoy kul'tury Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian wedding songs of mining villages of Bashkiria: a collection of materials of folklore expeditions of the laboratory of popular culture of Magnitogorsk State University]*. Magnitogorsk.

Tolstaya, S.M. (red.) 2002: *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskiy slovar'* [*Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary*]. Moscow.

THE BRIDE'S TEXT IN THE WEDDING RITUAL OF THE MINING POPULATION OF BASHKORTOSTAN

Svetlana A. Moiseeva

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
folklab@magtu.ru*

Abstract. The article deals with wedding ritual in the Russian settlements in Beloretsk district of Bashkortostan. The work is based on expeditionary material, recorded in 1938, 1965–1969, 1993–2007 in the villages formed as peasant settlements at steel works in the middle of the 18th and beginning of the 19th century: villages of Lomovka, Tirlyan, Inzer, Zigaza, Tukan, Verkhniy Avzyan, Nizhniy Avzyan, Kaga, Uzyan.

The wedding is a special fragment of traditional culture where basic meanings of a local mythological picture of the world are concentrated. They form in general the so-called regional cultural text. This work is an attempt of translating basic meanings of regional traditional text into Russian cultural context. The author determines the wedding ceremony as a fragment of cultural text of the region, consisting of semantically related personal texts. A symbolic character of the wedding ritual cycle is the bride. Therefore, the author focuses her attention on the bride's text.

The text of this or that character is understood as a range of the ceremonial actions performed by a particular participant of the ceremony at the verbal, actional and subject levels. In the context of the wedding and ceremonial cycle, the girl is considered to be a bride until the marriage or wedding registration, the final transition from one to the other sociometric group is fixed by rituals of the wedding night.

The analysis of the local wedding tradition makes it possible to reveal that the rituals of "separation" are the dominant in the text of the bride in the designated ritual period: the bride said goodbye to unmarried girls, with a carefree girl's life (freedom and beauty), with her parents and the fold. During this period, the girl experienced the weakening and severing the former ties, on the mythological level - a ritual-symbolic death. The author dwells on the text forming a local variant rituals representing the threshold / liminal state of the bride: "mourning the parents' doors", "grieving the dawn", "farewell to the beauty", "bride selling / redemption", "covering / hiding Bride", "checking the daughter-in-law".

Key words: wedding ceremony, bride's text, rituals of separation, liminal period, signs of transition

---
